

Мир Тонино Гуэрры — это любовь

Лора стала для маэстро Гуэрры всем — возлюбленной, женой, другом, переводчиком, личным секретарем, помощником, музой... Это именно она наполнила его творчество новыми красками и энергетикой. Это именно ее друзья — Андрей Тарковский, Бэлла Ахмадулина, Сергей Параджанов, Георгий Данелия, Юрий Любимов — стали и для него не только соавторами и коллегами, но по-настоящему близкими людьми. Сказка, начавшаяся в 1975 году, не закончилась и сегодня, даже несмотря на то, что Тонино уже нет на свете — он ушел весной 2012 года, в пору, когда в Италии зацветали миндальные деревья, а Москву засыпало снегом. В полном погружении друг в друга, в том духовном единении, таком счастливом и редком, когда две личности становятся единым целым, 37 лет пролетели как один день.

Известная мудрость гласит, что не место красит человека, а наоборот. Она приходит на ум в крошечном итальянском Пеннабилли, что в регионе Эмилия-Романья. Этот провинциальный городок так и остался бы одним из многих — пейзаж, достойный кисти великих мастеров, развалины средневековой крепости на высоком холме, старинная церковь на неизменной площади... Если бы более двадцати лет назад здесь не поселились маэстро Тонино Гуэрра и его русская муза Лора.

Я ждала Лору возле музея «Мир Тонино Гуэрры», размещенном в когда-то заброшенной старинной пеннабилльской церкви, любовалась прекрасной панорамой на окрестности Вальмарекки, мысленно рисовала образ, знакомый по фотографиям и фильмам. И все же когда она появилась, я была потрясена — казалось, праздничность и яркость ее облика соперничала со всем, что нас окружало. Кудрявая копна рыжих волос, необыкновенно лучистые, фиалкового цвета глаза, чарующая улыбка. Но главное — поразительная открытость, не наигранная, а идущая глубоко изнутри доброжелательность, мягкость и такт. С первых же минут рядом с ней становится необыкновенно легко и как-то по-особенному уютно, как будто эту светлую, мудрую, добрую, остроумную женщину ты знаешь уже очень-очень давно...

Яблоко и «цветная бабочка»

Тонино был необыкновенно одарен. Поэт, сценарист, художник, архитектор, металлург, агроном... Верно, наверху, кто-то ошибся: он должен был родиться в эпоху Возрождения... Талантам его несть числа, как и людям, бравшим что-то свое от его безграничной широты. Феллини, Антониони, де Сика, Тарковский — вот далеко не полный список режиссеров, снимавших по его историям. Сам же Гуэрра ко всем своим титулам и регалиям относился единственно верным образом: шесть раз не поехал за «Оскаром», примерно столько же — за «Пальмовой Ветвью» и «Золотым Львом», зато гордился всерьез, когда Пазолини включил его в свою антологию как выдающегося поэта современности.

Когда Тонино родился — весьма чудесным образом, после 11 месяцев, проведенных в утробе матери (это ли не символ, что мир его заждался!) — доктор Малагутти воскликнул: «Немедленно дайте этому ребенку печеное яблоко». Особую любовь к этому фрукту — символу мужского и женского, соединения двух начал, «двух половинок» — Тонино пронесет через все свое творчество, корнями уходящее в его предвоенное детство в «черно-белом» Сантраканджело. Здесь жили и легендарный кузнец Фонсо, и его первый учитель живописи Моррони, и приятель Турчи, также ставший замечательным художником.

Из этих же мест был родом и бесстрашный доктор Строкки, записавший в лагере за Тонино его устные рассказы и стихи. О тех годах Гуэрра позже написал: «Счастлив в своей жизни я бывал много раз, но более всего, когда меня освободили в Германии, и я смог посмотреть на бабочку без желания съесть ее».

А голубоглазый Ангел (детское прозвище Элеоноры Крейндлиной) росла в совсем другом мире. Ее отец Генрих — элегантный франт, любимец женщин, водивший дружбу с Сергеем Есениным, окончивший высшую дипломатическую школу и медицинский институт в Санкт-Петербурге. И красавица-мама из старинного дворянского рода, Эльвира, которой восхищались все знавшие ее. Няня-гувернантка, школа, где преподавали латынь, первый курс театрального

института. Филфак МГУ, преподавание немецкого языка, работа на «Мосфильме» редактором экспериментального объединения под руководством Григория Чухрая... И счастливый брак с «коллегой по цеху» Александром Яблочкиным — в их доме всегда царила атмосфера вечного праздника. Среди частых гостей — Марлен Хуциев, Юрий Визбор, Борис Мессерер, Василий Аксенов, Отар Иоселиани, Юрий Любимов. Именно в это время началась и дружба с Сергеем Параджановым, Андреем Тарковским, соседом по дому, с Беллой Ахмадулиной, пророчески называвшей Лору «цветной бабочкой».

Белоснежные платки Антониони и шарфы Гуэрры

В 1974 году на Лору внезапно обрушилось горе — от сердечного приступа прямо на проходной киностудии умер ее муж. Превенная хохотушка ушла в себя, и друзьям стоило больших усилий уговорить ее выйти из дома тем летним вечером, чтобы «посмотреть на Антониони». В Москве заканчивался кинофестиваль, на котором главными почетными гостями были, конечно же, итальянцы. Они уже заметно скучали, устав и от суматохи, и от гостиничной еды, поэтому было решено показать им «красивый русский дом с традициями». У молодого академика, нейрохирурга с мировым именем Александра Коновалова была просторная квартира с роялем, старинной мебелью и огромным количеством книг, идеально подходящая для приема. Там Лора увидела своего кумира — Антониони был высок, худ, элегантен, молчалив, простужен, непрерывно сморкался в шелковые, ослепительной белизны платки. Между ним и Энрикой, тогда еще не женой, а юной спутницей, в тот вечер вспыхнула ссора, и она сбежала, «растворившись» в ночной Москве. А вот маэстро Гуэрра, хоть и прилетел на кинофестиваль с невестой, как утверждает Лора, на прощальный ужин почему-то (предчувствовал?) пришел один. Так его путь, в самом зените славы (Тонино в это время было 54 года), пересекся с траекторией полета «цветной бабочки» с говорящей «яблочной» фамилией, уже влюбленной в его творения, хотя и не подозревающей об этом. Он ее поразил своей живостью — чтоб поддержать расстроенного друга, Тонино весь вечер рассказывал анекдоты. И еще средиземноморской жгучестью — оливкового оттенка кожа, черные, как смоль, волосы и такие же огненные глаза. Очень худой, и даже летом — с шарфом на шее, один конец которого всегда был длиннее другого (Лора всю жизнь будет поправлять их).

С этого момента жизнь Лоры превратилась в сказку. О том, как Тонино после той первой и короткой встречи вернулся в Москву, чтоб увидеться с Лорой,

— уже зимой, в тридцатиградусные морозы. «Было так холодно, что леденели глаза», — напишет он в своих дневниках. И о том, как чуть позже он вынес из Лориной квартиры всю мебель на помойку, накупил каких-то старых деревянных шкафов и комодов на барахолке, расписал их в своей неповторимой манере, отчего у Георгия Данелии возникло твердое убеждение, что «Лора вышла замуж за сумасшедшего». А Лора снова начала хохотать и учить итальянский — «чтобы поймать ее смеющееся сердце, я подарил ей клетку, в которой жили мои письма». Да, именно так, на том же рынке была куплена и пустая птичья клетка (символ свободы, как считал Тонино), куда он перед отъездом положил много маленьких конвертиков с надписями. Та клетка цела по сей день...

И о том, как уставший от разлук, придумывая разные способы повидаться с любимой (сценарий для Сергея Бондарчука, поездка с Антониони в Среднюю Азию, решение, принятое на уровне ЦК, о том, что Лора может посетить Италию), Тонино врывается в кабинеты киношного начальства с обескураживающими вопросами вроде этого: «Филипп (Ф. Ермаш, в то время председатель Госкино — прим. авт.), тебя женщины еще возбуждают? Меня — да, и я хочу взять Лору с собой в Ташкент».

И о том, как пройдя все препятствия, чинимые бюрократами по обе стороны, влюбленный маэстро все же победил. В сентябре 1977 года в Москве был зарегистрирован брак между гражданкой Яблочкиной и синьором Гуэррой. Тарковский и Антониони были свидетелями. «Ну вот мы и поженились с Лорой, и теперь мы вместе будем слушать шум дождя», — сказал тогда Тонино о своем счастье на обеде с друзьями.

«Хватит Достоевского!»

Вскоре Лора оказалась в Италии, которую уже обожала. Федерико Феллини, увидев ее, громко закричал: «Тонино, где ты нашел этого сибирского котичу?» Джульетта Мазина, отведав приготовленный ею борщ, повела глазами, приподняв бровки, и со словами — «в Польше я ела другой» — отложила ложку. С Микеланджело Антониони и его Энрикой они путешествовали: Флоренция, Милан, Портофино, Венеция... «О, какие у меня были учителя в открытии, в познании этой страны, — с благодарностью говорит Лора, — мне выпала редкая привилегия и счастье». И вот это счастье стало повседневностью: ежедневные звонки Феллини в 6 утра, дружба с ним и другими «гениальными мальчиками», как называет Лора друзей Тонино. Завтраки у Альберто Моравиа, ужины у другого Альберто — Сорди, спагетти, приготовленные Софи Лорен... Все это буквально обрушилось на Лору. «Первое время было непросто, — признается Лора. — Во время ссор я закрывалась в самой дальней комнате, плакала, а он, чуть ли не ногой, открывал дверь: «Хватит Достоевского!» «Жить на Олимпе всегда трудно, не будучи Богом», — немного кокетливо вздыхает Лора.

«Друзей моих прекрасные черты»

Их беседы о книгах, в том числе и его собственных, мыслях, чувствах часто заканчивались только под утро. И все это время Лора старалась «быть как стена» — так ее однажды попросил Тонино — «чтобы мои мысли отскакивали от тебя». И, конечно же, в их ночных беседах он часто рассказывал ей о своем детстве и юности — в итоге эти воспоминания, как, впрочем, и все, что связано с Тонино, стало частью самой Лоры. Ей посчастливилось застать в живых кузнеца Фонсо, познакомиться с художником Моррони, научившим маленького Тонино слушать шум дождя под фиговым деревом и читать отпечатки куриных лап на мокрой земле. Да и с Карлом Бо, ректором Урбинского университета, который теперь носит его имя и где учился Тонино, их связывала долгая дружба. Высокий седовласый красавец, величественный, элегантный, с тосканской сигарой, он всегда требовал, чтобы Лора сидела рядом с ним, и однажды на ее вопрос, о том каким студентом был Тонино, ответил, стряхивая пепел и многозначительно выдерживая паузу, — «гениальным».

Лора вспоминает: «Отношения с друзьями всегда питали сердце Тонино нежностью. Он обожал Марчелло Мастоляни за его невероятную доброту и незаурядный глубокий ум». Когда актера не стало, Тонино сказал очень точно: «Марчелло всегда считал себя вторым, будучи первым». Но ведь именно такое, непафосное, как бы несерьезное отношение к самому себе, вечное сомнение, и есть признак настоящего таланта. Что было в полной мере присуще и самому Тонино: «Я очень нудный и очень странный».

Так, день за днем, ночь за ночью, собирая и накапливая в себе все эти частички огромного волшебного мира, медленно, но верно Лора становилась незаменимой и необходимой для Тонино, как воздух, как шум дождя. Что уже можно почувствовать в замечательном фильме Андрея Тарковского «Tempo del viaggio» («Время путешествия»), который Тонино ценил даже выше «Ностальгии». Снят он был в то время, когда супругам Гуэрра удалось все-таки «вытащить» Андрея в Италию. Лоры в нем не много, она почти все время, что называется, за кадром, но с самого начала, с возгласа Тонино «Лора, это Андрей!» и до последних минут невольно угадывается ее незримое присутствие.

«Мне за этот фильм заплатили как переводчику гораздо больше, чем им вдвоем», — смеется Лора. «Их дружба с Андреем, нежнейшая, начиналась как между детьми, двумя мальчишками, наперегонки спрашивающими друг друга: «а ты умеешь свистеть?», «а тебе нравится туман над вечерней рекой?», «а ты ложился животом на лед? видел рыб? они же не спят...», «а вот эти камни ты собирал?». Они как бы «ощупывали» друг друга, искали точки соприкосновения. Я думаю, самым главным, что их объединяло, был постоянный духовный поиск. Они оба искали Бога».

«Жить надо там, где слова способны превращаться в листья...»

И, конечно, когда в жизни мастера наступил переломный момент, она не могла ошибиться. «Великое кино, которое интересовало Тонино, умирало, заканчивалось, и он, так любящий все живое, молодое, цветущее, не захотел оставаться в Риме, — продолжает Лора. — Тогда он меня спросил, что мне больше понравится: мансарда в Париже или дом в деревне?»

Лора понятия не имела, что речь идет о захолустном Пеннабилли, куда маленький Тонино приезжал с родителями, торговавшими овощами, на деревенские ярмарки. Но интуиция, как всегда, ее не подвела. Она угадала, вернее, почувствовала, что его никак нельзя разлучать с родной землей — и осчастливила тем самым не только маэстро в очередной раз, но и всю Романью. «Жить надо там, где слова способны превращаться в листья, раскачиваться на ветру или воровать краски облаков. За плечами наших бесед должны стоять изменчивые настроения времен года, отголоски пейзажей, где они происходят. Неправда, что слова неподвластны влиянию шумов и тишины, которые видели их рождение. Мы и говорим иначе, когда идет дождь или при солнце, льющем на язык...». Эти берущие за душу строчки из «Семи тетрадей» Тонино напишет уже здесь, в «миндальном доме», как он сам его назовет и который «как-то расположился вокруг меня. В нем очень много окон, глядящих на долину и на горы вдаль».

И для Тонино с Лорой, и для Пеннабилли началась новая жизнь. Стихи, поэмы, рассказы потекли рекой. Появились и новые друзья — простые горожане, увидевшие в Тонино и родственную душу, и заступника, и учителя. «...Идет снег,

и у меня белеют мысли. Хотелось бы больше ничего не делать. Вот-вот ворвутся утомительные новогодние праздники. Хорошо бы провести их с простыми людьми, которые сохранили во взгляде скромность. С теми, чей хлеб пополам со слезами, кто умеет говорить с животными. Душевный комфорт и определенная ясность приходят ко мне случайно, от необъяснимых примет и предчувствий. Прозрения, полные тайны. Они далеки от нашего высокомерного рационализма. Важно согнуться, чтобы слушать деревья или исповедь памяти неискушенных людей. Чаще всего я плаваю внутри «ночного равновесия нашего бытия», как великолепно сказал кто-то однажды... Значит, можно верить только тому, что вне правил логики».

«Ускользящая красота»

Почти весь интерьер в сказочном доме Тонино сделал собственноручно. «В моей мебели есть грация того, кто не владеет линией в совершенстве». В это же время он с необыкновенным пылом отдавался живописи и скульптуре — что-то оставалось в доме, но многое расхотелось по городам и весям. «Это был самый настоящий, в лучших старинных традициях, двор поэта, средневекового мастера», — в голосе Лоры явно слышны нотки грусти. — У нас здесь целыми днями все пело и крутилось, приходили кузнецы, плотники, краснодеревщики, жестянщики, да и просто обычные жители. Приносили старинную утварь, которая могла пригодиться Тонино, странные предметы, даже продукты — фрукты, вино, сыр, выпечку».

На бывшем пустыре Тонино разбил «огород забытых фруктов» — диковинный сад. Редкие экземпляры он собирал по старинным манускриптам и трактатам времен Екатерины Медичи. Если смотреть на него отсюда, из этого сада, дом Гуэрры и правда выглядит как жилище Волшебника — высокая скала с развалинами замка Малатесты словно лепится к «нормальным» постройкам. Часовня Андрея Тарковского под присмотром каменных улиток, раскидистая величественная смоковница, посаженная Далай-Ламой, «приют покинутых мадонн», которые Тонино упорно собирал по разрушенным старым базиликам. Не обошлось и без воспевания любви — как же без этого? Необычная скульптура «Меридиан встречи» — две бронзовые голубки сидят на ветке, и когда солнце падает на них под определенным углом, в их тенях безошибочно угадываются обращенные друг к другу профили Феллини и Мазины. По-моему, это один из самых величайших памятников, посвященных любви и дружбе...

«Места его души»

С уходом Тонино жизнь в сказочном «миндальном доме» хоть и стала несколько спокойнее, но ненамного. Друзья, поклонники, журналисты, а то и просто любопытствующие путешественники — радушная и хлебосольная Лора рада

всем и всегда держит двери нараспашку. На самом деле, ее душевная щедрость просто не знает границ (Тонино, да ведь и ты был таким же!). Ей нравится показывать гостям «дом, утопленный в вещах». Помимо бесчисленных творений Тонино, в нем живут и подарки-воспоминания — ковер Параджанова, картины Антониони, Бархина, Хржановского, Хамдамова, рисунки Феллини... Случайных вещей в этом доме нет, у каждой есть своя исто-

рия, своя тайна. Кровать из фильма де Сики «Брак по-итальянски», особенная ваза — только для одного цветка, вечно «плывущий корабль» из бумаги от театра «Тень», загадочный куб от любимовской «Таганки»... А еще здесь живут коты и кошки. Сколько их? Сама Лора затрудняется дать точный ответ.

Этот дом часто называют музеем. А я бы не стала — он слишком живой, дышащий, наполненный потрясающей энергетикой. Я полностью согласна с его хозяйкой, которая считает, что любой, даже самый роскошный, особняк ему уступает и проигрывает. Она продолжает безумно любить своего Тониночку. И трудится, не покладая рук — замыслы маэстро, которые он не успел воплотить, не должны кануть в Лету. Лора создает Фонд имени Гуэрры и литературный музей под открытым небом (так называемые «места души»), объединяющий городки и поселки долины Вальмареккьи. Ведь Тонино, так переживавший за молодых, променявших книги и идеалы на материальные ценности, надеялся таким образом удержать новые поколения от падения в пропасть пустоты и сухого рационализма.

«Нашу с ним связь не может разорвать ничто, даже разлука, даже конец физического бытия. В этом смысле смерти нет, она не существует. Это то, чему меня сегодня учит Тонино», — в голосе Лоры слышны и печаль, и безграничная любовь.

Она вспоминает, как уже перед самым концом склонилась над ним: «Тониночка, я тебя любила всю жизнь». И он прошептал: «Ti amo anche adesso» («Я и теперь тебя люблю») и, лукаво улыбнувшись, добавил: «E dopo» («И потом»).

Наталья Гулейкова-Сильвестри — филолог, журналист, гид-переводчик. Специальный корреспондент журнала «Этажи» в Италии.